

«За» были все

Моей правда - 2005 - 10 дек. - с. 6.

Жизнь стремительно мчит вперед, и прошлое, которое, кажется, было вот-вот, уже мало кому известно. Между тем отброшенное ходом событий и перемен, оно не перестает быть поучительным. Тем более, если удалось запечатлеть подробности происходившего. Писатель Анатолий МЕДНИКОВ вовсе не по долгу службы - в семидесятые годы он в течение шести лет был секретарем Московской писательской организации, а правды ради - в деталях зафиксировал, как решалось в декабре 1971 года «персональное дело» поэта Александра Галича.

«Надвигается одно грязное дельце, и малоприятное», - сказал оргсекретарь Ильин, открывая сейф, откуда вытащил номера журнала «Посев» со стихами Александра Галича, изданную в Париже книгу его стихов, а также материалы КГБ, излагающие ситуацию: на магнитофонные пленки записываются песни Галича для «самиздатовского» подпольного распространения. «Вот, Георгий Федорович, - обратился он к писателю Стрехнину, как и я, «рабочему»

зал, что хотел бы видеть меня рядом, когда будет разговаривать с Галичем: «Нужен свидетель. Мало ли что Галич потом сообщит западным корреспондентам. Могут быть провокационные вопросы». Партийцем я был дисциплинированным, по природе своей исполнительным - согласился.

Неисповедимы пути. Впервые я увидел Александра Галича за полгода до войны, когда меня привел в школу на улице Герцена молодой поэт Михаил Львовский. Это была не просто школа, а та, что дала приют известной «арбузовской студии». Львовский входил в состав литературной бригады вместе с драматургом Алексеем Арбузовым, режиссером Валентином Плучеком, Всеволодом Багрицким и Александром Галичем. Отчетливо помню тот вечер, угрюмоватый гимнастический зал с неким подобием сцены, сооруженной из перевернутых парт. Шла репетиция пьесы о людях Комсомольска-на-Амуре - «Город на заре», позже ставшей советской классикой. После репетиции молодые поэты читали стихи: Наровчатов, Кульчицкий, Павел Коган, Слуцкий, Самойлов. А в середине шестидесятых годов я снова встречался с Галичем - в доме его брата. Там видел и его отца, мать, жену младшего брата - известного кинооператора. Мог ли представить тогда, что будет такая ситуация? Высокий, красивый мужчина, темноволосяй, с большим открытым лбом, щепоткой темных усов, густобровый, сидящий в напряженной позе и нервно курящий одну сигарету за другой.

Стрехнин спрашивал, заглядывая в шаргалку: где, когда публиковалось то или иное стихотворение, что пишет сейчас, знал ли он об издании стихов в журнале «Посев», о выходе сборника «там» и выступает ли Галич сейчас с песнями публично. Галич отвечал спокойно. Сказал, в частности, что книгу своих стихов он получил через одного знакомого, купившего ее в Париже. «Значит, ваш знакомый провез ее нелегально?» «Почему нелегально?» - спросил Галич. - Ему же неведомы списки запрещенных к ввозу из-за границы книг! Это не порнография, не антисоветчина.

Всего лишь стихи. Кому-то могут нравиться, кому-то нет». «Но ведь они не публиковались в Советском Союзе!» - кипятился Стрехнин. «Не публиковались», - констатировал Галич. - А я их и не предлагал для печати». «Потому и не предлагали, что понимали - цензура их не пропустит. И вы не сообщали о выходе книжки в Париже нам сюда, в организацию?» «Зачем?» - Галич пожал плечами. «А затем, чтобы вам предоставили возможность через печать как-то выразить по этому поводу свое мнение, политически определиться в отношении к антисоветскому издательству, очерняющему наш общественный строй». «Я им своих стихов и песен не передавал, - возразил Галич. - В чем же моя вина?»

В это время открылась дверь, и в кабинет вошел Ильин. «А знаете ли вы, Александр Аркадьевич, - сразу сказал он, - что враждебная нам радиостанция «Свобода» каждый день выпускает в эфир передачу, которая называется «Они поют под гитару», и там - антисоветские песни Галича». «Я не слушаю «Свободу», - сказал Галич. «Ой ли? По нашим сведениям, у вас были контакты с представителями НДС - Народно-демократического союза - организации, враждебной Советскому Союзу. Некий молодой человек передавал вам привет от господина Евгеньева, секретаря издательства «Грани». Он же просил у вас ваши песни и песни других самиздатовцев». «Я не помню такого визита», - сказал Галич. «Ах, не помните?! - Ильин постепенно возбуждался. - А разве не вы в шестьдесят восьмом году давали нам обещание больше не выступать публично, а только в узком кругу?!» «Я выполнил обещание». «А кому была посвящена «Горестная ода счастливому человеку?» Бывшему генералу Петру Григоренко, матерому антисоветчику: И сух был хлеб его, и прост ночлег, / Но все народы перед ним - во прахе, / Вот он стоит - счастливый человек, / Родившийся в смиренной рубахе! Ничего себе портретик счастливого советского воина, очистившего мир от фашистской нечисти! Или вот «Футболисты»: «Ты советский, ты же чистый, как кристалл, / Начал делать, так уж делай, чтоб не встал. / Духу нашему спортивному цвезть везде. / Я отвечу по-партийному: «Будет де!». Вы задеваете нашу славную партию, оплевываете спортсменов, а разве среди них нет замечательных людей, именно советских, по-настоящему отстаивающих честь спорта!» «Я же говорил, я - сатирик, «ассенизатор и водовоз». Вот и Маяковский писал о всякой человеческой дряни, о негативном». «Маяковский был партийный поэт! У него

была боль за наши недостатки, а у вас - издевка. Как понимать строчки: «Где полегла в сорок третьем пехота / Без толку, зазря, / Там по пороше гуляет охота, / Трубят егеря». Как это «зазря?!»

Ильин вскопчил. Галич же продолжал сидеть и слегка побледнел: «И все же я не считаю свою поэзию вредной», - произнес он твердо. - Не хотел никогда и не хочу обидеть свою страну, ее людей. Я борюсь с плохим. Возможно, мне надо было как-то протестовать против использования моих стихов за рубежом». «Да не «возможно», а необходимо!» - взметнулся Ильин и, не дав ответить Галичу, вышел. Я чувствовал себя плохо - сердце ныло, молчать дольше не мог. «Александр Аркадьевич, - произнес я, - на дворе сейчас такая политическая погода, такая острота ситуации, что каждый должен сделать выбор. Тучи сгущаются над вашей головой». Галич кивнул, как бы принимая мои слова к сведению и никак не выражая к ним отношения. Ждал от меня много - ободрения, надежды? Не знаю.

...Заседание секретариата началось с доклада Стрехнина, изложившего содержание предварительной беседы с Галичем. Затем зачитали написанное Александром Аркадьевичем заявление, где он признал свои ошибки и просил поверить в его искренность. Он явно надеялся не больше чем на очередной выговор. Потом пошли вопросы. Взявший слово Васильев решительно потребовал исключения Галича из Союза писателей. При этом он напомнил цитату из доклада Стрехнина, который, в свою очередь, цитировал газету «Русская мысль»: «...трубадуры еврейского происхождения: Галич, Высоцкий, Ким - своими песнями способствуют эмиграции евреев в государство Израиль». Выступавшие затем секретари дружно сходились на необходимости исключения Галича из Союза писателей. А вот Алексей Николаевич Арбузов свою речь закончил неожиданно. Он сказал (цитирую, сверив со стенограммой): «Мне сейчас тяжелее, чем кому-либо в этой комнате. Вместе с Галичем мы когда-то писали пьесу «Город на заре». Этот спектакль до войны хвалили в «Правде». Затем вместе работали в театре Северного флота. Нас связывало многое. Теперь о его песнях. Они мне не нравятся. И голос, и музыка, и содержание. Много пошлости, есть спекуляция на больных темах: аресты, преследования, очернение нашей жизни. Сегодня у меня была одна из самых тяжелых ночей. Я не спал совершенно. И все же у меня не поднимется рука голосовать за исключение».

Выступившая потом Агния Барто, детская писательница, заговорила о русском великодушии и предложила смягчить решение - дать Галичу еще одну возможность исправиться. Тогда слово взял Ильин. Вспомнил оппозицию в партии в 1926 году, спросил: знает ли Александр Аркадьевич о

том, что он, Галич, является членом Комитета по борьбе за свободу советских граждан, возглавляемого академиком Сахаровым? Галич сказал, что слышал об этом в больнице по радио, а не заявил протест потому что не знает, кому в подобных случаях следует заявлять.

Поднялся Николай Грибачев - поэт и прозаик, Герой Социалистического Труда, депутат и лауреат, кандидат в члены ЦК КПСС. Он, как и Васильев, коснулся «еврейской темы». Пассаж был такой: песня Галича «Евреи, не шейте ливреи» утверждает, что евреям было, есть и будет плохо в СССР, сочинение толкает на выезд в Израиль, а там эти люди встанут на колени и просятся назад. Так что в страданиях обманутых людей есть-де и доля его, Галича, вины.

Председательствующий Сергей Наровчатов спросил у Галича: будет ли он говорить? Галич ответил, что не будет. Тогда его попросили выйти из комнаты и подождать решения секретариата.

Сначала голосовалось первое предложение - исключить. «За» проголосовали даже незадолго до этого сомневающийся Агния Барто и «просивший еще подумать» Валентин Катаев. Воздержались двое: Александр Рекемчук и Алексей Арбузов. Наровчатов, уезжавший на полчас в горком, оставил свой голос - «за». Когда он вернулся и узнал, что двое воздержались, попросил воздержавшихся остаться и сказал следующее: «Политическая ситуация сейчас такова, что нам надо выступать единогласно. Я прошу вас изменить решение как коммунист».

Рекемчук, который, выступая, выражал надежду, что Галич еще исправится и предлагал дать ему последний шанс, неожиданно сразу согласился с Наровчатовым. Арбузов после длинной паузы, покраснев, волнуясь, согласился тоже. «Ну, тогда единогласно!» - заключил довольный Наровчатов.

Когда в комнате остались только «рабочие секретари», Ильин спросил у Наровчатова: «Насчет политической ситуации ты, Сережа, получишь совет в горкоме или сам решил так «поставить вопрос?» «Сам», - ответил Наровчатов.

На следующий день утром Ильину позвонили из английской газеты: правда ли, что Галича исключили из Союза писателей? Ильин подтвердил. Днем к моей жене подошел писатель Владимир Поляков: «Исключили Галича. За что?! Что он будет теперь делать? Как жить? Говорят, что четверо голосовали против: Катаев, Арбузов, Барто, Рекемчук».

Пошла гулять по свету легенда о «благородной четверке». А ведь на самом деле все выглядело совсем не так - «за» были все.

...Спустя шесть лет после описанных событий 15 декабря 1977 года поэт, драматург и киносценарист Александр Галич в вынужденной эмиграции в Париже погиб в результате несчастного случая.

секретарю, - мы решили поручить вам сделать сообщение о Галиче на расширенном заседании секретариата в среду, а в понедельник вы с ним побеседуете с глазу на глаз по вопросу. Вопросник составим вместе». Галич состоял в объединении драматургов, которое «курировалось» мною, однако Стрехнин, видимо, показался руководству более подходящим докладчиком. Но Стрехнин ска-